

Светлана Ковальчук

Рига, Латвия

РЕЛИГИЗНО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСКАНИЯ ПРОФЕССОРА Н. А. ПЕРЕФЕРКОВИЧА

Профессор Наум Абрамович Переферкович¹ (Ставрополь, 1870—1940, Рига). Сын *кантониста, но не выкрест. Выпускник факультета восточных языков Петербургского университета, получивший золотую медаль за магистерскую диссертацию «Свод талмудических сведений о гностических сектах²».

Н. А. Переферковичу более всего удавались работы по *гебраистике, лексикографии. Как переводчик он тоже заслужил добрую славу. Журналы «Восход», «Гермес», «Журнал Министерства просвещения», энциклопедии, издававшиеся в Петербурге на рубеже XIX—XX вв., хранят его статьи. По сей день фонды библиотек Латвии и России сохраняют немалое количество книг, вышедших из-под пера Наума Переферковича.

В нем жил потенциал реформатора. Его статьям была присуща известная тенденциозность, наступательная критика, близкая к принципам партийности, и даже эпатаж. Все это реализовалось не в политике, не в пристрастии к социалистическим идеям. Нет. А в религиозной сфере. Начал он с критики антисемитизма, а закончил критикой христианства. Например: 1) *Переферкович Н.* Классические писатели о еврействе (к истории развития антисемитизма) // Восход: Учено-лит. и полит. журн. СПб., 1896. Сент. С. 49—74; 2) книга Н. А. Переферковича «Истина о Христе», изданная в Петербурге, содержала остро полемические выпады против христианства. Но Науму Абрамовичу стало этого мало, и в начале 1900-х гг. он предпринял попытку реформировать основоположения еврейской религиозной жизни — привести в нее некую секулярность и новизну. Раввинский суд в 1910 г. осудил его.

Известно, что в феврале 1918 г. в качестве сотрудника Министерства иностранных дел Н. А. Переферкович принимал участие при заключении мирного договора между уже Советской Россией и Германией.

Подобно многим россиянам, Наум Переферкович предпочел нелегально переехать в Латвию в конце 1919 г., когда поражением, а не победой закончилось знаменитое наступление на Петроград русской Северо-Западной армии под предводительством генерала Н. Н. Юденича. Преподавал во многих учебных заведениях: на Русских университетских курсах, располагавшихся на улице Бривибас, 38, и в гимназии Элины Залеман, сдававшей с осени 1921 г. до лета 1929 г. помещения Русским университетским курсам³. Проживал Н. А. Переферкович в Риге со своей супругой и детьми на улице Валдемара, 57, кв. 11.

Движимый идеей низвержения христианства, он почему-то не решился в Латвии на переиздание своей петербургской книги, направленной против христианства. Кстати, с первых своих публикаций в печати любил псевдонимы: Аль-Гаввас, Наумов, Абрамов. Эта любовь к псевдонимам сохранилась и в латвийской печати

Наум Переферкович. Фото 20-х гг.

20—30-х гг. Может быть, поэтому Н. А. Переферкович предпочел спрятаться за книги крымского учителя Гирша Бендера — он редактировал и комментировал две его книжки. Первая книга Г. Бендера — «Этика иудаизма» (Рига: Глобус, 1928), вторая — «Евангельский Иисус и его „учение“» (вышла в том же издательстве в начале 1930 г.).

Приведу мягкую цитату из книги Г. Бендера, под которой, несомненно, подписался бы и Н. А. Переферкович: «Долго будет еще держаться христианство? Я думаю, я уверен, что недолго еще. <...> Дни христианства сочтены, что уже близок тот день, когда христианство будет низвергнуто с высоты пьедестала, на котором оно так долго и так незаслуженно покоилось. Позволяю себе надеяться, что и настоящая книга примет

некоторое участие в сокрушении великого заблуждения».

Теперь уже латвийские правоохранительные органы возбудили против Н. А. Переферковича уголовное дело. Суд осудил Переферковича за богохульство, оскорбление христианского учения к двум годам тюремного заключения. Правда, кассационный суд отменил это решение. В результате скандала с легкой руки рижской журналистки Киры Верховской его имя обрело несколько иную ироничную транскрипцию: из Переферковича он стал для многих «Перефёрковичем».

Умер Наум Абрамович очень аккуратно, накануне прихода советских войск, в первой половине 1940 г. Еще совсем недавно его могилу знатоки истории рижского еврейства находили на Старом еврейском кладбище⁴.

Мне очень хотелось раскрыть детали этого шумного судебного разбирательства 1930 г., но не смогла найти в Латвийском государственном историческом архиве дела кассационного суда, как не смогла до сих пор получить и книги из Петербурга, чтобы понять во всех тонкостях характер осуждения Н. А. Переферковича со стороны раввинов. С высоты небесной Наум Абрамович может сказать нам всем: «Мир меня ловил, но не поймал». Поэтому получился, увы, не научный доклад, а эмоциональный всплеск на тему о судьбах российских эмигрантов в Латвийской Республике 20—30-х гг.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Письмо Авраама Переферковича Светлане Ковальчук

Кфар-Сава (Израиль), 4 марта 2004 г.

Уважаемая д-р Ковальчук!

Я внимательно ознакомился с текстом Вашего доклада «Религиозно-философские искания профессора Н. А. Переферковича» (т.е. моего отца). К сожалению, никак не могу согласиться с Вашим освещением ряда центральных вопросов. Помимо этого, многие сообщаемые Вами сведения нуждаются в уточнениях и дополнениях.

Н[аум] П[ереферкович] родился в 1871, а не в 1870 г. Не упоминается Вами его основной научный труд — перевод на русский язык *Мишны плюс первого трактата Вавилонского

*Талмуда. Первый том (536 с.) вышел, когда переводчику исполнилось 27 лет. Всего вышли 8 томов. Среди лексикографических работ выделяется «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений», выпущенный под псевдонимом Н. Абрамов в нескольких изданиях и неоднократно переизданный в Москве после 1994 г.

Явно утрированно утверждение, что в Н[ауме] П[ереферковиче] жил потенциал реформатора. Из приложенного доклада В. Щедрина вытекает, что безуспешная попытка создать в Петербурге *реформистскую общину (1909) была предпринята после пребывания Н[аума] П[ереферковича] в США (1905—1906) и держалась рамок германских и американских образцов. Ортодоксальные раввины осудили это начинание, и в этом тоже ничего нового.

Не менее утрированным является тезис о квазипартийной тенденциозности трудов Н[аума] П[ереферковича]. На самом деле он всегда стремился к максимальной объективности и научной строгости, и только, когда ему казалось, что научная правда нарушается, он выражался резко, без компромиссов и учета возможных последствий (чем навлек на себя немало неприятностей).

В своих публикациях об антисемитизме Н[аум] П[ереферкович] столь же тщательно соблюдал научную объективность. Примеры: не упоминаемая Вами брошюра «Еврейские законы об иноверцах в антисемитском освещении» (СПб., 1908; 1910) или упомянутая Вами статья в журнале «Восход».

Неверно, что Н[аум] П[ереферкович] начал с критики антисемитизма и закончил критикой христианства. В чрезвычайно многогранном творчестве Н[аума] П[ереферковича] эти темы занимали сравнительно скромное место. После редактирования книги «Евангельский Иисус» Н[аум] П[ереферкович] прервал свою литературную деятельность по семейным обстоятельствам, а затем написал (ныне утерянную) работу, излагающую развитие мировоззрения от фетишизма через религию к науке. Здесь примечательны полный отход от религиозных представлений и сходство с законом трех стадий в социологии О. Конта.

Прежде чем перейти к вопросу о критике христианства и мнимой борьбе Н[аума] П[ереферковича] за «низвержение» его, еще несколько биографических замечаний.

По рассказам моих родителей, отец приехал в Ригу не в конце 1919 г., а во время советской власти (22.01—22.05.1919)⁵. Основной целью приезда было воссоединение с семьей, находившейся в Риге. Вторая причина — преследования, которым Н[аум] П[ереферкович] подвергался в 1918 г. в Советской России. Отсюда можно сделать два вывода: приезд в Латвию не был связан с поражением Юденича (декабрь 1919 г.) и мог вполне быть легальным.

Адрес, по которому Н[аум] П[ереферкович] проживал в Риге явно не относится к теме. В упомянутом Вами доме по ул. Валдемара 57/59, кв. 11, мы проживали только в годах 1925—1931.

Мне кажется совершенно неуместной формулировка, что Н[аум] П[ереферкович] умер «очень аккуратно» накануне прихода Красной армии. Это неверно и по существу. К своему стыду, я не знаю точной даты его кончины, но это было после вступления советских войск в Ригу (17.06.1940) и, если память мне не изменяет, после выборов (14 и 15.07.1940).

Похоронен он также не на «Старом еврейском кладбище»⁶ (ул. Эбрею, в прошлом ул. Жиду⁷, ул. Лаздонас⁸ на Московском форштадте⁹) — там в 1940 г. не хоронили, — а в Шмерли¹⁰.

Дополнительные подробности о жизни и творчестве Н[аума] П[ереферковича] можно найти в статьях Российской еврейской энциклопедии (РЕЭ)¹¹ и Краткой еврейской энциклопедии, изданной в Израиле (КЕЭ)¹², а также в приложениях к этому письму.

Наконец, я подхожу к центральному тезису Вашего доклада. Цитирую: «Движимый идеей низвержения христианства, он (т.е. Н[аум] П[ереферкович]. — А. П.) почему-то не решился в Латвии на переиздание своей петербургской книги (т.е. «Истины о Христе». — А. П.), направленной против христианства. Кстаги, с первых своих публикаций в печати любил псевдонимы: Аль-Гаввас, Наумов, Абрамов. Эта любовь к псевдонимам сохранилась и в латвийской печати 20—30-х гг. Может быть, поэтому Н. А. Переферкович предпочел спрятаться за книги крымского учителя Гириша Бендера — он редактировал и комментировал две его книжки».

Встреча в редакции рижской еврейской газеты «Лецте найс» («Последние новости») с известным публицистом Хаймом Житловским (за столиком в центре). Рядом с ним — Наум Переферкович и Макс Шац-Анин. 1925 г.

В этой цитате логическая связь не совсем ясна, но я понимаю ее так: Н[аум] П[ереферкович] был одержим идеей низвержения христианства, но боялся ответственности.

Поэтому он:

1) пользовался всевозможным псевдонимами. Эта мысль выражена не четко, а лишь намеком, путем близкого сопоставления глагола «спрятаться» с «любовью к псевдонимам»;

2) воздерживался от переиздания петербургской книги «Истина о Христе». Здесь читателю внушается мысль, что причиной отказа от переиздания этой книги было слишком откровенное и тенденциозное ее содержание;

3) выпустил антихристианскую книгу Г. Бендера «Евангельский Иисус и его „учение“», оставаясь скромно на заднем плане в качестве научного редактора.

Хитрость удалась: Н[аум] П[ереферкович] ушел от судебной ответственности как богухульник. Намек на это заключение содержится в конце доклада. Цитирую: «С высоты небесной Наум Абрамович может сказать нам всем: „Мир меня ловил, но не поймал“».

Я должен решительно отвергнуть эту нелестную и малопочтенную для Н[аума] П[ереферковича] версию. Никогда я не слышал от него о (между прочим, явно донкихотском) плане «низвержения христианства». Любовь к псевдонимам не была связана со стремлением увильнуть от ответственности. Наиболее серьезные труды Н[аума] П[ереферкович] издавал под своим именем. Псевдонимом Н. Абрамов он пользовался для абсолютно безобидных книг по русскому языковедению (словари, учебник «Дар слова»).

Неожиданно большое значение в Вашей аргументации приобретает небольшая петербургская брошюра «Истина о Христе». Ведь, судя по докладу, в ней (и, по-видимому, только в ней) Н[аум] П[ереферкович] под своим именем и недвусмысленно сформулировал свою критику христианства, лежавшую потом в основе плана «низвержения» этой религии. Я эту брошюру не видел и не могу судить, насколько она отклоняется от характерной для Н[аума] П[ереферковича] научной строгости и корректности.

Издание книг Г. Бендера было осуществлено по инициативе вдовы Бендера, которая привезла в эмиграцию рукописи покойного мужа и обратилась к Н[ауму] П[ереферковичу] за помощью. Если петербургская брошюра «Истина о Христе» содержала «остро полемические выпады» против христианства, то предисловие редактора к книге «Евангельский Иисус и его „учение“» написано в сугубо умеренном тоне. Метод его не теологический и не философский, а историко-филологический, т.е. научный. В скупых фразах Н[аум] П[ереферкович] ссылается на общеизвестные результаты научных исследований евангельских текстов, а именно на их неоднородность и многослойность, чем легко и объясняются противоречия и неувязки. Трудно считать «острой полемикой» замечание, что критика Бендера вполне уместна, хотя и базируется на ошибочной предпосылке о монолитности евангелий и иногда переходит границы.

Разграничение между взглядами автора, с одной стороны, и редактора — с другой, и служило формальной основой для отмены первоначального приговора. Защиту в кассационном суде в таком духе вел адвокат Озоллапа.

Что касается утверждения, что Н[аум] П[ереферкович] «несомненно подписался» бы под фантастическим предсказанием Г. Бендера о скором низвержении христианина, то оно лишено всякого основания.

Суд над Н[аумом] П[ереферковичем] привлек внимание широких кругов и носил несомненно скандальный характер. Статья о богохульстве была прямо заимствована из уголовного кодекса царской России и явно противоречила демократическим принципам отделения религии от государства и свободы слова. В этом и заключалась скандальность этого судебного дела.

Я изъял бы из доклада совсем неудачную остроту журналистки Киры Верховской. Обыгрывание фамилии может быть уместно в газетном фельетоне, но никак не соответствует тону научного доклада. Кроме того, я сомневаюсь в компетентности этой дамы. Дело все-таки было связано с наукой...

Из Вашего доклада вырисовывается портрет задиристого иудаистского проповедника, мало похожий на борца за просвещение и научную правду, каковым Н[аум] П[ереферкович] был в действительности. На мой взгляд, требуется пересмотр доклада.

Прошу снисходительно отнестись к моему стилю: я не получил образования на русском языке.

П р и л о ж е н и я:

- 1) письмо в редакцию РЕЭ,
- 2) доклад В. Щедрина *“No more cries!”* [«Не надо воплей!»].

С уважением А. Переферкович

2. Письмо Авраама Переферковича в редакцию Российской еврейской энциклопедии

Квар-Сава (Израиль), 22 сентября 1996 г.

Многоуважаемая редакция энциклопедии!

Сообщаю Вам некоторые биографические данные о моем покойном отце, известном гебраисте Науме Абрамовиче Переферковиче для использования по вашему усмотрению. Даю эту информацию в виде дополнений и замечаний к статье о Н[ауме] П[ереферковиче] в Краткой еврейской энциклопедии (КЕЭ), изданной в Израиле (т. 5)¹³.

Имя Н[аума] П[ереферковича] по документам было Наум. О еврейском имени его Нехемия я узнал из энциклопедий. Отец Н[аума] П[ереферковича] Абрам, по семейному преданию, родом из польского местечка Ферферки (называемого также «фольварк»¹⁴), но, судя по произношению языка *идиш, родного языка Н[аума] П[ереферковича], Абрам был скорее всего выходец не из собственно Польши, а из Западной Белоруссии. Он принял фамилию Переферкович по месту происхождения и прервал все связи со своими родственниками, отдавшими его, сироту, в кантонисты.

Н[аум] П[ереферкович] окончил классическую гимназию с золотой медалью. Среди нескольких братьев он был единственным приобретшим высшее образование. При окончании университета Н[аум] П[ереферкович] получил также академическую степень по русскому языку и право преподавания этого языка в гимназиях. По семитским языкам усовершенствовался несколько семестров в Берлине. Кроме того, имел права раввина. Позже во время нашего совместного проживания в Риге Н[аум] П[ереферкович] поразил меня своими обширными знаниями языков. Он прекрасно читал латинские и древнегреческие тексты, читал свободно, говорил и писал неплохо по-немецки (в семье преобладал немецкий язык), читал и говорил по-английски и по-французски, уже в пожилом возрасте овладел в определенной мере латышским. Знал на литературном уровне родной идиш и ставший родным русский, обладал глубокими знаниями *иврита и *арамейского разных эпох, имел познания в других семитских языках.

Университетская карьера в царской России была ему как еврею закрыта, но он развил в качестве частного ученого в Петербурге интенсивную научную и литературную деятельность. Кроме того, преподавал «закон еврейской веры» в немецкоязычных школах церковных общин (по-видимому, лютеранских): *Petri-, Annen-, Katharinenschule* и в школе реформированной общины.

Интересные события связаны с его книгой «Словарь русских синонимов». В 1963 г. журнал АН СССР «Наука и жизнь» печатал в нескольких выпусках отрывки из этого словаря, вышедшего под псевдонимом Н. Абрамов. На наше письмо с просьбой раскрыть псевдоним редакция ответила фактическим отказом, хотя ссылки на Н[аума] П[ереферковича] иногда встречаются в советских изданиях (например: Н. С. Беленький. «Что такое Талмуд». Москва, 1970) Так как расшифровка псевдонима к тому времени не появилась ни в одном печатном издании, полагаю, что редакция руководствовалась соображениями, весьма далекими от чистой науки. Псевдоним был раскрыт лишь в 90-е гг. в 5-м томе КЕЭ на основании моих данных.

В 1907 или 1908 г. Н[аум] П[ереферкович] женился в Риге на Мириам Александровне Гарбель (р. 1880) родом из латвийского (курляндского) городка Кулдига (Гольдинген) и имел с ней двоих детей.

О жизни Н[аума] П[ереферковича] во время революции и Гражданской войны я плохо информирован. Помню кое-что из рассказов родителей, но эти сведения иногда не вполне достоверны. В этот период Н[аум] П[ереферкович] был избран профессором как-будто Астраханского (?) университета, когда точно — не знаю; не известно также, приступил ли он к преподаванию. Факт, что в дальнейшем Н[аум] П[ереферкович] пользовался профессорским званием. Точно известно, что он работал в 1918 г. в Наркоминделе, но был впоследствии отстранен от должности и находился под следствием по мелочному обвинению в связи с бутылкой вина, подаренной ему австрийским дипломатом. Дело в дальнейшем [было] прекращено.

По стечению обстоятельств жена и дети осенью 1917 г. оказались на финской территории и переехали затем в оккупированную немцами Латвию. После отхода немцев в Латвии создавалась большевистская советская республика, что дало Н[ауму] П[ереферковичу] возможность в 1919 г., наверно, легально перейти латвийскую границу и воссоединиться с семьей. После падения коммунистического режима Н[аум] П[ереферкович] остался в Латвии. Данные КЕЭ о нелегальном переходе границы сомнительны. Обстановка в послевоенной Латвии оказалась неблагоприятной для научной деятельности Н[аума] П[ереферковича]. Большая личная библиотека, созданная в Петербурге многолетними стараниями, была утеряна. Латвийский университет не нуждался в услугах еврейского ученого. В отличие от Петербурга, в Риге не было частных издателей, заинтересованных в его научных изысканиях. Н[ауму] П[ереферковичу] была предложена работа в библиотеке американского конгресса в Вашингтоне, однако жена решительно возражала против плана эмигрировать в США. Н[аум] П[ереферкович] был вынужден тратить основные силы на преподавание основ иудаизма в светских еврейских и в нееврейских школах (для учеников-евреев), получая скромную зарплату. Помимо этого он сотрудничал в газетах, читал лекции, писал несколько научных трудов, но в целом преуспевавший когда-то ученый оказался

не у дел и в неудовлетворительном материальном положении до конца своей жизни.

По своим общим взглядам Н[аум] П[ереферкович] в 20-е гг. склонялся к позитивизму типа учения Огюста Конта, возлагая явно преувеличенные надежды на прогресс просвещения и науки. От науки ожидал решения как моральных, так и политических проблем. Этот подход определил его отношение к религии иудаизма и к национальному еврейскому вопросу. От религии он постепенно отмежевался, хотя соблюдал некоторые праздничные обряды до самой смерти. Что касается еврейского вопроса, то он долгое время (см. ниже) был убежден, что вопрос разрешится сам собой полной ассимиляцией и уничтожением еврейства. Одновременно он полагал, что евреи вносят важнейший вклад в мировую культуру (так называемая теория «соли земли»). Поэтому считал (до определенного момента) *сионизм нежелательным и, кроме того, бесперспективным. Детей послал учиться в немецкие школы, полагая, очевидно, что их будущее — в Германии. К тому же он еще после горького советского опыта отмежевался от марксизма, так что одновременно лишился поддержки всех трех главных политических движений латвийского еврейства (ортодоксов, сионистов и левых разных оттенков).

В 30-е гг. примкнул к международной организации в пользу «Пан-Европы» (объединения Европы в одно государство), созданной австрийским графом Куденгофом-Калерги. Во второй половине 30-х под влиянием подъема гитлеризма и невозможности направить детей на учебу в германию Н[аум] П[ереферкович] признал в длинных дискуссиях со мной обоснованность и справедливость сионистских стремлений, хотя по-прежнему сомневался в успехе этого проекта.

В последний период, уже будучи пенсионером, Н[аум] П[ереферкович] работал над историей магических верований и религий, составленной с точки зрения позитивизма. Работа писалась на немецком языке; языковая и стилистическая редакция была поручена мне. Рукопись утеряна во время бегства и эвакуации 40-х гг.

Н[аум] П[ереферкович] скончался летом 1940 г. от сердечной болезни — как я теперь понимаю, от инфаркта; признаки закупорки коронарных сосудов появились уже за два года до этого. Н[аум] П[ереферкович] похоронен в Риге на еврейском кладбище в Шмерли.

<...>

Словарь русских синонимов Наума Переферковича. Пятое издание (Москва, 1994 г.). Обложка

С уважением *Авраам Переферкович*

3. Из доклада Василия Щедрина «„Не надо воплей!“ История С.-Петербургской реформистской еврейской конгрегации» на ежегодной конференции Ассоциации еврейских исследований (Association for Jewish Studies) в Бостоне

1997 г.

<...> Историки российского еврейства обычно относят к русско-еврейской интеллигенции относительно небольшую группу светских еврейских интеллектуалов и профессионалов, отказавшихся от традиционного еврейского образа жизни и религиозных ценностей иудаизма и сформированную идеями европейского просвещения и гуманизма. <...>

Русско-еврейская интеллигенция включила образованных еврейских профессионалов с совершенным знанием русского языка и культуры, поселившихся в крупных российских городах вне *черты оседлости. Их социальная повестка дня отличалась от таковой у их предшественников — *маскилим, отдававших главный приоритет усовершенствованиям в пределах традиционного еврейского сообщества. Русско-еврейская интеллигенция стремилась к интеграции евреев России в российское общество в целом и гражданскому равенству для них. Демократические изменения 1860-х гг. сделали возможным открытую защиту гражданских свобод. <...>

Российская интеллигенция начала свое существование в тот же самый период — в 1860-е гг. Интеллигенция откололась от русского образованного класса как отличающаяся группа, отмеченная чрезвычайным нигилизмом и вероотступнической повесткой дня в политических и социальных проблемах, основанной на идеях социализма и атеизма¹⁵. Русско-еврейская интеллигенция преимущественно следовала такого рода образцам и приняла существенное участие в развитии российского освободительного движения. Это движение стремилось воплотить современные западные теории социального прогресса, культуры и просвещения на российской почве. <...>

...После глубокого эмоционального и идеологического кризиса, последовавшего за поражением российской революции 1905 г. несколько идеологов российской интеллигенции предприняли попытку критического пересмотра ее принципов. В 1909 г. авторы сборника эссе, изданных под названием «Вехи», бросили вызов основным установкам и методам российского освободительного движения. Они убеждали интеллигенцию отказаться от идеологии «экстремистского просвещения» и вернуться к истинным, т. е. религиозным, ценностям... Авторы «Вех» все же защищали значение просвещения, нацеленного на синтез современного знания и этики, основанной на традиционной вере. Они предполагали, что интеллигенция станет силой, способной осуществить этот синтез и, следовательно, обеспечить прочное основание для примирения в обществе.

В том же 1909 г. группа евреев — жителей российской столицы С.-Петербурга сделала попытку основать еврейскую конгрегацию (религиозную общину), основанную на реформированном обряде. Эта конгрегация не была первой еврейской реформистской конгрегацией в России, кроме того, Хоральная синагога, главная еврейская община С.-Петербурга, проводила свои богослужения преимущественно по реформированному обряду. Новая конгрегация, однако, предлагала большее количество радикальных реформ в обряде и в традиционных формах богослужения. Конгрегация включала тех представителей русско-еврейской интеллигенции, которые почти не сохранили ни одного из традиционных еврейских атрибутов, а только свое чувство еврейства и страстное желание восстановить духовную связь с еврейством. Обычная принадлежность к одной из созданных общин не обеспечила бы решение проблем этой группе русско-еврейской интеллигенции, которая стремилась восстанавливать скорее духовную, чем институциональную связь с иудаизмом. Эти характерные детали сделали реформистское начинание 1909 г. столь заметным. Это было независимое внутреннее развитие русско-еврейской интеллигенции, полностью основанное на религиозных и этических установках, а не на политических и не на миссионерских составляющих, так что это можно считать ответом на обращение «Вех». Религиозное пробуждение, отстаиваемое реформистской конгрегацией, можно также считать альтернативой, однако неосуществленной, более шумным и более обширным движениями русско-еврейской интеллигенции того времени, придерживавшейся националистической и социалистической установок. <...>

История началась 19 сентября, 1909 г., когда в газете «Вольнь» в Житомире появилась информация под названием «Еврейская реформистская конгрегация». В ней сообщалось об основании еврейской реформистской конгрегации в С.-Петербурге. Согласно ее основателям, все изъяны старой традиционной синагоги — как внешние, так и идеологические — в новой конгрегации будут устранены¹⁶. Сообщалось также о некоторых специфических новшествах: служба по воскресеньям, использование русского языка в молитвах и для чтения *Торы, уст-

ранение из ритуала некоторых «устарелых» традиционных молитв, смешанный мужской и женский *миньян, художественное оформление молитвенного дома живописью и сопровождение службы музыкой. Под эгидой конгрегации предусматривалось также несколько благотворительных и культурных учреждений. Главным основателем новой религиозной организации был Наум Переферкович — доктор восточных языков, известный своим русским переводом Мишны.

Несколькими днями позже эта информация привлекла внимание должностных лиц в Департаменте духовных дел. 29 сентября 1909 г. представитель директора департамента затребовал дополнительную информацию от администрации города С.-Петербурга. В то же самое время д-ру Крепсу, занимавшему должность *ученого еврея при Министерстве внутренних дел, было поручено расследовать это дело. 9 октября 1909 г. Крепс направил отчет о своем расследовании директору департамента. Вот некоторые положения этого документа¹⁷.

Наум Переферкович, 38 лет, родившийся в Ставрополе на юге России, иудейского вероисповедания. Основное занятие — литератор, преподает также еврейский Закон в нескольких школах С.-Петербурга. В 1905—1906 гг. в течение года находился в Америке (Нью-Йорк). В 1908 г. как кандидат на пост *общественного раввина С.-Петербурга выступал с проповедями в главной синагоге города, вскоре после чего стало ясно, что он не имел никакого шанса получить раввинский пост, на который претендовал.

12 сентября 1909 г. Переферкович опубликовал объявление в петербургских газетах о своем намерении создать еврейскую реформистскую конгрегацию. Он призвал евреев С.-Петербурга присоединиться к его начинанию. Около 30 человек откликнулись на объявление и присоединились к Переферковичу. Группа основателей разработала проект программы реформистской конгрегации, включая следующие основные инструкции: реформистская конгрегация ни в коем случае не ставит себя вне основного течения в иудаизме; предложенная реформа не касается духа иудаизма, а только его истолкования; конгрегация сохраняет древнюю форму богослужения — собрание для молитвы и проповеди, сопровождаемое музыкой; она регулярно собирается по воскресеньям и на еврейские праздники и в особо торжественных случаях, таких как «церемония конфирмации для детей»; паства поддерживает равные права для женщин и мужчин в административных и религиозных делах.

На основе этого проекта Крепс сделал заключение в своем отчете, что эта группа может быть определена как секта, отошедшая от основного течения в иудаизме. Это единственное его заключение, подчеркнутое в тексте директором департамента. Ключевым пунктом в заключении Крепса является то, что группа отвергла талмудическое истолкование иудаизма, а именно не принимала то, что «священно и необходимо для остальной части религиозных евреев». То, что практикует группа, — это «библейский», а не традиционный «талмудический» иудаизм.

Крепс также сделал вывод, что наиболее вероятно конгрегация потерпит неудачу из-за враждебности к ней большинства российских евреев. Он писал, что даже русско-еврейская интеллигенция, считающая реформы в иудаизме обязательными, не желает радикальных перемен в традиции и не расценивает Переферковича как человека с бесспорным авторитетом в преобразовании религии, как его предшественники на Западе. Крепс отметил также явно выраженное отрицательное отношение евреев С.-Петербурга к Переферковичу. Администрация Хоральной синагоги, главной еврейской общины в городе, просила руководителей школ, где преподавал Переферкович, не разрешать ему преподавать еврейский Закон, потому что он отошел от «веры наших отцов».

12 октября 1909 г. Переферкович написал открытое послание «проклинающим реформистскую конгрегацию» в С.-Петербурге всеми библейскими проклятиями». Послание, названное «Не надо воплей!», было напечатано в выходившей в С.-Петербурге ежедневной газете на идише «*Дер фрайнд*» («Друг»)¹⁸. В ответ своим противникам Переферкович неоднократно подчеркивал, что идея реформистской конгрегации исходит из тесного круга его друзей и их семейств. Ее происхождение и, фактически, единственная цель состояли в том, чтобы создать «семейный миньян для нас и наших детей... место, где наши дети будут иметь возможность уз-

нать что-нибудь из Торы и о еврействе, где наши жены могут молиться вместе со своими мужьями и детьми». Другими словами, конгрегация представляла очень маленькую группу петербургских евреев — 30 человек, согласно Крепсу, или 56, согласно Переферковичу, в городе с 50—60-тысячным еврейским населением и главной синагогой с приходом 300—400 человек¹⁹. Конгрегация действительно намеревалась осуществить крупномасштабную реформу иудаизма в России. Целью ее членом был скорее эксперимент над своей идентичностью и доказательство самим себе, что «мы являемся такими же истинными евреями, но мы — современные евреи и ценим основы и мораль нашей религии», как выразился Переферкович. Он продолжал спор со своими противниками: «Подождите с вашей критикой, прежде чем мы легализуем нашу конгрегацию. Тогда вы можете критиковать, если все еще найдете что-нибудь для критики». Но инициатива Переферковича вскоре потерпела неудачу.

Ответ на запрос Департамента духовных дел из городской управы С.-Петербурга от 16 декабря 1909 г. положил конец этой истории. Ответ сообщил о фактах, свидетельствующих в пользу заключений Крепса: Переферкович был отстранен от выборов раввина С.-Петербурга, потому что не разделял традиционные религиозные верования большинства евреев, тогда он попытался основать еврейскую реформистскую конгрегацию, но не нашел никакого сочувствия к своим усилиям среди евреев²⁰. Реформистской конгрегации было отказано в регистрации.

<...> Однако эта попытка внедрения реформированного иудаизма на российской почве определенно заслуживает внимание исследователей российского еврейства. Это исследование стремится представить ее в более широком контексте истории российских евреев, установить связи и провести параллели между фактами и идеями.

<...>

Предложенная реформа 1909 г. имела прямые исторические параллели в начале XX столетия. Посещение Переферковичем Соединенных Штатов в 1905—1906 гг., упомянутое Крепсом, представляется важным для изучения петербургской реформистской конгрегации. Нет никаких сведений об этой поездке, но тот факт, что накануне Первой мировой войны только в Соединенных Штатах реформированный иудаизм получил широкомасштабную поддержку и достиг значительного успеха в осуществлении программы реформ, мог оказать существенное влияние на Переферковича и в конечном итоге мотивировал его попытку. <...>

Это была пропаганда религиозной реформы полусветскими интеллектуалами при отсутствии эффективной инициативы раввинов. Она имела весьма радикальную природу. Это было подражание реформистским конгрегациям на Западе. <...> В России, где православное христианство не достигло синтеза религии с современной философией или наукой, в отличие от христианства на Западе, где время предложенной реформы совпало с растущей популярностью антиметафизического позитивизма, который не оставлял никакого места для религиозной веры. Это заключение почти справедливо для второй половины XIX столетия. В начале же XX столетия идеология позитивизма и атеизма была серьезно оспорена, хотя их доминирующее положение сохранилось в ментальности верхнего слоя российской интеллигенции. Призыв «Вех» остался безответным и даже не услышанным российским освободительным движением. Подобная инициатива реформы Переферковича — редкий случай положительного отклика на «Вехи» — не нашла никакой поддержки среди российской еврейской интеллигенции, заинтересованной скорее в политическом, нежели религиозном развитии.

Кроме того, инициатива реформы встретила решительный отказ в признании со стороны правительства и столкнулась с резкой критикой религиозных традиционалистов. Согласно «Вехам» — это наиболее печальное последствие экстремально позитивистского взгляда интеллигенции на религию как на «темноту и суеверие». В то время как интеллигенция направляла все свои просветительские усилия на разложение религиозной веры, религия должна была оказывать противодействие... В этих условиях политическая реакция и мракобесие стали для религии главными средствами защиты²¹.

Неудача с созданием в С.-Петербурге реформистской еврейской конгрегации была также следствием политики государственных органов в регулировании еврейских религиозных проблем в Российской империи. Эта политика, осуществлявшаяся уже с 1844 г., с упразднения *кагала, была нацелена на децентрализацию еврейского общинного самоуправления²². Этим, например, объясняется тот факт, что в первом десятилетии XX в. С.-Петербурге было шесть официально признанных еврейских общин в дополнение к Хоральной синагоге, и почти все они были более ортодоксальны, чем главная община города. Поэтому не удивительно, что Министерство внутренних дел в своей политике децентрализации в начале XX столетия считало традиционно изолированные формы еврейских религиозных учреждений более надежными и безопасными, чем попытки радикальных реформ.

Компьютерная распечатка.

Перевод с английского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Переферкович Наум (Нехемия) Абрамович (1871—1940) — филолог (гебраист и русист), переводчик и лексикограф. В 1890—1894 гг. учился на факультете восточных языков Петербургского университета, с 1893 г. сотрудничал в русско-еврейской прессе, главным образом в журнале «Восход») писал также статьи по иудаистике для русских научных изданий и энциклопедий. Автор ряда исследований, научно-популярных книг и учебников по иудаизму. Основной научный труд — перевод на русский язык Мишны, *Тосефты (первый перевод на европейский язык), *галахических *мидрашей, первого трактата Вавилонского Талмуда (**Брахот* — Благословения) и других религиозных книг; под псевдонимом Н. Абрамов издал учебник русского языка «Дар слова» и до наших дней пользующийся популярностью «Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений» (1900; 5-е изд., испр. и доп. М., 1994) и «Полный словарь русских рифм (Русский рифмовник)» (1912). В 1918 г. работал в Наркомате иностранных дел Советской России, был переводчиком на мирных переговорах в Бресте. В 1919 г. нелегально перешел границу и поселился в Риге, где преподавал в вузах (профессор) и печатался в местной еврейской и не-еврейской прессе, начал публикацию своего исследования «Возникновение языка идиш» (1921), составил словарь гебраизмов в языке идиш (1929). За подготовку к публикации книги Г. Бендера «Евангельский Иисус и его „учение”» (Рига, 1930) был приговорен латвийским судом к двум годам тюрьмы за богохульство и оскорбление религии (приговор был отменен кассационным судом). — *Ред.*

² Гностические секты (гностики) (гр. *gnōstikos* — обладающий знанием) — религиозно-теософические движения поздней античности, получившие впоследствии название «гностицизм», в котором различают гностицизм иудаистский, языческий и связанный с христианством. Эклектически связывали идеи античной философии с представлениями восточных религий. — *Ред.*

³ Подробнее о Русских университетских курсах см.: *Ковальчук С.* Из истории высшей школы в довоенной Латвии: Евреи на русских университетских курсах в Риге (1921—1937) // Евреи в меняющемся мире: Материалы 4-й Междунар. конф., Рига, 20—22 нояб. 2001 г. Рига, 2002. С. 146—158.

⁴ См. прим. 4 на с. 169.

⁵ В действительности советская власть в Риге существовала с 3 января по 22 мая 1919 г. — *Ред.*

⁶ См. прим. 4 на с. 169.

⁷ Эта улица, проходящая вдоль Старого еврейского кладбища и с 1868/69 г. носившая название Еврейской (*Ebreju*), в 1923 г. была переименована в *Joodu* (Жидовскую). С 1942 г. она носила еще три названия. В 1990 г. восстановлено историческое название — *Ebreju*. — *Ред.*

⁸ Так в тексте. Должно быть: ул. Ликснас. — *Ред.*

⁹ Московский форштадт (нем. *Vorstadt* — предместье) — часть нынешнего Латгальского предместья Риги, где в XVII в. находилось русское подворье, а у пересечения нынешних улиц Лачплеша и Маскавас было создано первое в городе еврейское подворье (впервые упоминается в 1638 г., в то время находилось за городской чертой). В дальнейшем и вплоть до Второй мировой войны в этом районе была сосредоточена значительная часть русского и еврейского населения Риги. — *Ред.*

- ¹⁰ Новое еврейское кладбище в Риге (исторический район Шмерлис) было заложено в середине 1920-х гг., хоронить на нем начали в конце 20-х гг. В настоящее время является действующим. — *Ред.*
- ¹¹ Российская еврейская энциклопедия. М., 1995. Т. 2. С. 376.
- ¹² Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1992. Т. 6. Стб. 396—398.
- ¹³ Так в тексте. В действительности т. 6 (см. прим. 12). — *Ред.*
- ¹⁴ Фольварк (*польск.*) — небольшое имение, усадьба. — *Ред.*
- ¹⁵ *Булгаков С.* Героизм и продвиженчество (из размышлений и религиозном периоде русской интеллигенции) // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1990. С. 34.
- ¹⁶ Российский государственный исторический архив (С.-Петербург; далее — РГИА), ф. 821, оп. 8, д. 331, л. 94.
- ¹⁷ Там же, л. 95—98.
- ¹⁸ Там же, л. 99—100.
- ¹⁹ *Лебедева-Каплан В.* Евреи Петрограда в 1917 г. // Вестн. Евр. ун-та в Москве. 1993. № 2. С. 4.
- ²⁰ РГИА, ф. 821, оп. 8, д. 331, л. 101.
- ²¹ *Булгаков С.* Указ соч. С. 70—71.
- ²² *Натан Б.* За чертой: евреи, русские и еврейский вопрос в Петербурге (1855—1880) // Вестн. Евр. ун-та в Москве. 1994. № 2. С. 27.